

КНИЖНЫЙ ДИСКУРС

Эльвира СПИРОВА

Доктор философских наук, главный научный сотрудник,
руководитель сектора истории антропологических учений.
Институт философии РАН.

109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: elvira-spirova@mail.ru

МЕРАБ МАМАРДАШВИЛИ: АВТОР СО СВОИМ ГОЛОСОМ И ПОСТУПКОМ

В статье анализируются подходы известных отечественных философов — В.А. Подороги и С.А. Смирнова — к философскому творчеству Мераба Константиновича Мамардашвили. Речь идёт о двух монографических исследованиях, вышедших в свет в 2020 г. и позволяющих совершенно по-особому, через оригинальную авторскую оптику, взглянуть на философствование М.К. Мамардашвили. Отмечая топологическое устройство мышления Мамардашвили, его особую метафоричность, авторы, каждый по-своему, погружают читателя в смысловое пространство его философии. В.А. Подорога указывает на уникальный философский стиль Мамардашвили, построенный на свободной речи-мышлении в противовес письменному тексту, с постоянным желанием повторить сказанное, чтобы получить новый импульс для движения мысли, и неизменным возвращением в исходную точку. С.А. Смирнов прослеживает авторский акт высказывания Мамардашвили как автобиографический, восстанавливая навигацию личности философа через произведение, выступающее органом-инструментом понимания.

Опубликованные монографии вносят значительный вклад в осмысление отечественной философской традиции XX в.

Ключевые слова: философия, М.К. Мамардашвили, топология, Письмо, Голос/Речь, мышление, антропология Пути, произведение, событийность, Присутствие

Держа живыми других, мы живы сами.
И только так можем жить.

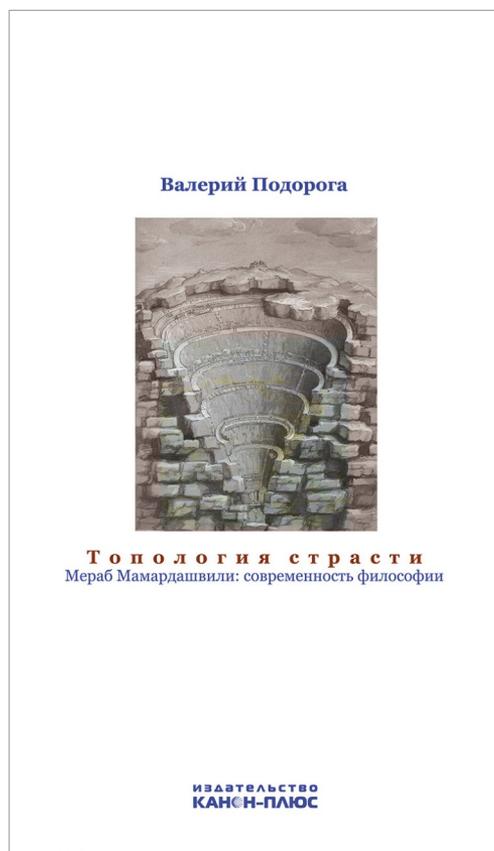
М.К. Мамардашвили

Две книги — Валерия Александровича Подороги «Топология страсти. Мераб Мамардашвили: современность философии» [16] и Сергея Алевтиновича Смирнова «Мераб Мамардашвили: топология мысли» [21], оказавшиеся по стечению обстоятельств в одном времени-пространстве, можно назвать определённым интеллектуальным событием, событием мысли. Встретившись на одной книжной полке, они привлекли моё внимание сначала переключкой названий, а затем и глубиной философских размышлений о независимом философе XX в. Мерабе Мамардашвили.

2020 год, конечно, выбран неслучайно. Год знаковый. Прошло 90 лет со дня рождения и 30 лет со дня ухода из жизни М.К. Мамардашвили. Мераба Константиновича вспоминали на семинарах и конференциях, вышел ряд научных статей о нём [3–7; 14–15; 17; 20; 22; 24]. Но всё же эта значительная дата, в силу, вероятно, внешних причин, не была столь широко отмечена научным сообществом, как могла бы. Выход в свет этих двух крупных монографий — возможность продолжить разговор о философе Голоса/Речи.

Попытка представить две книги о М. Мамардашвили отнюдь не подразумевает в данном случае их сравнения, ведь, как известно, в любом сравнении сопоставляемое что-то теряет. Это всего лишь желание обратить внимание на такие яркие работы и позвать погрузиться в акты философствования, предложить то, что могло бы соблазнить придирчивого и пресыщенного интеллектуальными изысками современного читателя. Поскольку ещё Мамардашвили говорил: «Это естественно, что я хочу вас соблазнить, потому что всякий человек, который что-то любит, хочет поделиться предметом своей любви — если он нормальный, конечно, — чтобы другие это тоже полюбили» [10, с. 83]. Я люблю литературу, озарённую «живым присутствием» автора, и хочу ею поделиться.

**Подорога В.А. Топология страсти.
Мераб Мамардашвили: современность философии.
М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 352 с.**

Книга В.А. Подороги собрана из фрагментов, статей, заметок к выступлениям, написанным в период с 1990-х до 2004 г., с проверкой и редакцией предыдущего исследовательского материала и добавлением нового при подготовке издания. На протяжении всей монографии вполне отчётливо можно проследить эволюцию не только взглядов самого Валерия Александровича, но и постепенную трансформацию авторской позиции по отношению к идеям М.К. Мамардашвили, которая от аналитически-сдержанной всё больше становится исследовательски-критической.

Сам В.А. Подорога определяет замысел своей книги как поиск ответа на вопрос, насколько отечественная философия, сформировавшаяся в советский период, современна, каким культурным и духовно-теоретическим контекстам она сегодня может соответствовать и как помогать их объяснению [16, с. 4]. С его точки зрения, Мамардашвили современен в своей попытке перевести философскую классику на язык «индивидуального» и культурно-

го опыта мысли XX столетия. А мерилom актуальности его философствования является возможность участия его мысли в современных проблемах.

Но в центре внимания В.А. Подороги оказывается несколько иное. Сквозной для всей книги становится проблема соотношения речи/письма в философской практике Мамардашвили, повлиявшая на формирование его экзистенциальной метафизики. Это не столько анализ идей философа, сколько выявление структурных и терминологических особенностей его философствования.

М.К. Мамардашвили — мыслитель, главной человеческой страстью которого, считает Подорога, было желание «исполниться, состояться» [9, с. 180], поэтому его отношение к философии всегда лично. Его страсть к знанию есть максимально выраженный протест против власти, коммунистической идеологии. Протест, энергетически подпитывающий эту страсть. Не прямое, диссидентское сопротивление, а внутреннее расшатывание тоталитарной системы мысли. Главным вкладом Мамардашвили в философию, по мнению В.А. Подороги, является его «существование в самом акте философствования» [16, с. 12]. Стремление мыслить философию из неё самой. Чтобы состояться, считал Мамардашвили, философская мысль должна обсуждать то, чем она является и чем она быть не может, т.е. проблематизировать собственное существование в качестве формы мышления. Осуществлять такую практику философствования можно только личным примером и «вслух», через суверенную человеческую Речь, влекущую за собой прямую передачу смысла.

Отказ от Письма в пользу Голоса/Речи — принципиальная позиция М.К. Мамардашвили. Речь существует в пределах ограниченного времени, она необратима. Речь как разворачивание рождающейся мысли вслух не поддаётся внешней цензуре, она цензурируется только говорящим. Она относительно свободна. Речь становится попыткой ускользнуть от контроля, стать анонимной. Философская речь (философствование) противостоит любой окончательной записи. Поэтому М.К. Мамардашвили определяет «...философию как сознание вслух, как явленное сознание» [11, с. 87].

Исследователи творчества философа выделяют два периода: первый — это его теоретико-познавательные сочинения, книги/статьи, написанные им самим; второй — это его активная практика чтения лекций, беседы, интервью, выступления на конференциях, когда формировалось его искусство «мыслить вслух».

Мамардашвили мыслил символически, одно через другое, а не аналитически, отказываясь от дискурсивной аналитики. Он ценил свободу в движении речи, когда она сама отыскивает свой «предмет». Он не раз признавал превосходство свободной речи-размышления над невыразительностью «омертвевшей» формы письменного текста. Печатный текст закончен и необратим в своём существовании, свободная же речь размышляющего существует «здесь и сейчас», к ней можно возвращаться и уточнять.

М.К. Мамардашвили часто подвергался критике за темноту стиля, невразумительность речи, но вопросы слушателя, по мнению философа, упрощают мысль, требуют объяснений, примеров. Слушатель под воздействием инициированной мысли должен двигаться сам, искать пространство для собственной мысли. Этому должны были способствовать не примеры, которые Мамардашвили использовал редко, а образы, афоризмы, притчи и, главное, метафоры.

В.А. Подорога обращает внимание на «сквозную» обратимость мышления М.К. Мамардашвили. Он как будто постоянно выворачивал себя наизнанку. Мамардашвили считал, что речь не высказывает истину, а только направляется к ней. «Речь невозможно остановить, поскольку она сама себя разоблачает как неподлинную и нужно продолжать разоблачение, каждый раз отрицая достигнутый результат» [16, с. 45].

Свободная речь-мышление опирается на телесность. Тело говорящего завладевает пространством языка. Аудитория для Мамардашвили, по мнению Подороги, была нужна только как пространство для свободной речи. Она создаёт лишь эффект невербального присутствия. Постоянный жест отказа от коммуникации с аудиторией. Аудитория нужна была целиком, а не отдельные её слушатели. «Вероятно, слушатели были ему нужны так же, как эху горы, слушать себя, но через причастное, если так можно сказать, молчание других» [16, с. 69].

В.А. Подорога сравнивает две стратегии анонимности: отказ от собственного имени через Письмо М. Фуко и отказ от авторства через Голос («мыслить вслух») М. Мамардашвили. Отказ от авторства у Фуко является чисто лингвистическим, тогда как отказ Мамардашвили — моральный. Письмо стирает имя автора, а это значит — сначала анализируется письмо, а потом то, что может быть приложением к нему (авторской позицией). Для Фуко — никто не должен мешать, письмо позволяет исчезнуть авторству. Для Мамардашвили, напротив, Голос, заявляющий себя, реализует себя в открытом публичном пространстве. Говорящий открыт, ему не спрятаться, хотя он и теряет имя в Голосе, который существует для других.

Но без слушателя в речевом высказывании нет мысли. Если мы мыслим, то вместе с ним. М.М. Бахтин определяет голос как сознание и глас (гласность, оглашённость как услышанность). Голос существует для того, чтобы быть услышанным. Напротив, письмо — это маска на белой поверхности листа, она скрывает план «бегства», она соблазняет, зовёт, но и ускользает. От говорящего можно потребовать отчёта, письмо настолько глубоко способно упрятать автора, что пропадает интерес к его поискам.

«Главное качество Голоса/Речи — это недоговорённость, недоведённость сказанного до логического соотнесения с уже сказанным. Голос удерживает смысл, пока длится, в противном случае от него могут потребовать той “ясности” и “точности”, на которые он не способен и которые возможны лишь при подготовке письменного текста» [16, с. 266].

Особое место в книге В.А. Подороги занимает сравнение стилей мышления Г. Щедровицкого и М. Мамардашвили. Под стилем Подорога подразумевает эстетическую форму мысли, дополнительное измерение, придающее мысли индивидуальную форму, делающую её неповторимой [16, с. 124]. Решающие расхождения, по мнению Подороги, начинаются тогда, когда Мамардашвили обращается к систематическому изучению истории европейской философской мысли, а Щедровицкий остаётся верен первоначальным идеям Проекта и перестаёт мыслить вне актуальной практики Проекта. Стилль Г. Щедровицкого Подорога называет эстетическим, близким русскому авангарду начала, середины и конца XX в. Авангард в данном случае рассматривается как особый стиль проектной мысли. Стилль же философствования Мамардашвили он относит к модерну. М. Мамардашвили обращался к модернистским формам литературы и искусства (М. Пруст, П. Сезанн, Ф. Кафка, А. Арто, А. Блок, Н. Гумилёв, О. Мандельштам). Модерн обращён к современной эпохе, в которую человек живёт, мыслит, действует. Для него также характерно постоянное возвращение к тому, на основе чего может быть возобновлён прежний опыт как новый и новейший («классическая душа» для философии Мамардашвили).

Г. Щедровицкий рассуждает, стремясь получить результат, М. Мамардашвили размышляет, желая лишь продолжать размышление. Техника рассуждения Щедровицкого нуждалась в вопросах и ответах, уточнении своей позиции. Мамардашвили остаётся один на один с собственной мыслью, никакое внешнее соучастие в его мысли не может отменить единственности мыслящего. От слушателя требуется позитивное молчание, увлечённость, открытие нового горизонта мысли. Если Мамардашвили отвергает всякую попытку вмешаться в его речь, то для Щедровицкого был важен жест оспаривания, принцип дуэли как основа мышления.

Г. Щедровицкий часто использует метафору зеркала, которая играет роль развёрнутой аналогии для мысленного эксперимента. Использует рисунки «позиционных человечков». Мыслить — значит рисовать [25]. Деятельностная точка зрения, проективная, творящая. Подорога, описывая её, сопоставляет Проект Сартра и Щедровицкого.

Философствование М. Мамардашвили отличается целостностью, определённой систематичностью. Подорога выделяет четыре устойчиво повторяющиеся процедуры мысли философа: *катафатика* (религиозная), *тавтология* (логическая), *топика* (геометрическая), *эпиграфика* (герменевтическая) [16, с. 187]. Эти процедуры образуют единую форму высказывания, характерную именно для философствования Мамардашвили.

В 1980-е гг. М.К. Мамардашвили совершает переход в область квазирелигиозного экзистенциального философствования. Избранный им путь *катафатический*, т.е. частичного познания Бога, путь позитивный. Стремление к целостному видению философских проблем стало для него опре-

деляющим. Мамардашвили онтологизирует формулу присутствия Бога-в-мире и использует её для описания исключительно человеческих событий.

Мыслить метафизически, по мнению философа, — значит мыслить *тавтологиями*. Ход размышлений М. Мамардашвили инспирирован Л. Витгенштейном. Мамардашвили переводит проблематику тавтологий в желательный терминологический режим. Для него именно Голос, т.е. развёрнутая Речь, позволяет на время разорвать круг тавтологии и, отделяя от себя предмет мысли, находить для него новые формы существования. Это говорит о способности высказывания делать случайное необходимым, скрывая повтор.

М.К. Мамардашвили призывает мыслить точно. Однако в понятие точности заложен двоякий смысл: 1) точность как строгость, последовательность, законченность мысли, удержание мысли в избранной точке, месте; 2) мыслить точками, точечностью, скоплением точек. Следует придерживаться тех первоначальных условий, которые освобождают мысль от навязываемого понятия, символа, образа. Средством выражения Мамардашвили часто служила комбинация *топических элементов*: точка/круг/сфера. Кстати, составляющие собой топологию Бога.

«Точечная стратегия» Мамардашвили заключается в том, чтобы всякий раз удерживать мысль в точке начала, иметь отправную точку мысли, куда возвращаться как в своё единственное убежище. Удержать мысль — помочь ей вернуться туда, откуда она началась. Излюбленная техника наблюдения М.К. Мамардашвили — это захват аналоговой точки и потом перенос её с места на место. В.А. Подорога сравнивает его точку мысли с точкой-символом П. Флоренского и «серой точкой» П. Клее.

Топология чего-то и есть постоянное заполнение пустот, зазоров, трещин, разрывов третьими вещами, которые заставляют все скользящие феномены хаоса работать на упорядоченное восприятие мира. Это ряд пространственных ограничений, накладываемых на хаос.

Размышления о курсе лекций «Психологическая топология пути (М. Пруст “В поисках утраченного времени”» [10] у В.А. Подороги подчинены общему замыслу книги — показать стилистические особенности философствования М.К. Мамардашвили. Подорога называет этот труд выдающимся образцом экзистенциально-метафизического проникновения в литературу Пруста [16, с. 253]. Замысел Мамардашвили состоял в том, чтобы перечитать Пруста с метафизической точки зрения, выявить стиль мышления человека, выявить способ мысли внутри опыта. И Подорога признаёт, что встреча и беседа Мамардашвили с Прустом-метафизиком состоялась.

Однако Подорога сразу выстраивает критическую дистанцию по отношению к Мамардашвили, говоря о вытеснении им Пруста как авторской индивидуальности, превращении имени французского писателя в локальный миф «качественного» литературного письма и только [16, с. 255].

Мамардашвили, читая сакральный текст «Поисков», берёт на себя, по мнению Подороги, роль первосвященника, толкующего не то, что все

могут прочесть, а то, к чему обращена его мысль. Философ комментирует, а не интерпретирует Пруста. И если Пруст использует геометрически-физические образы и метафоры, чтобы обозначить их психологическое значение, что Мамардашвили переводит психологические состояния, найденные у Пруста, в пространственную физику образа и далее — в символическое толкование, дающее возможность понимать.

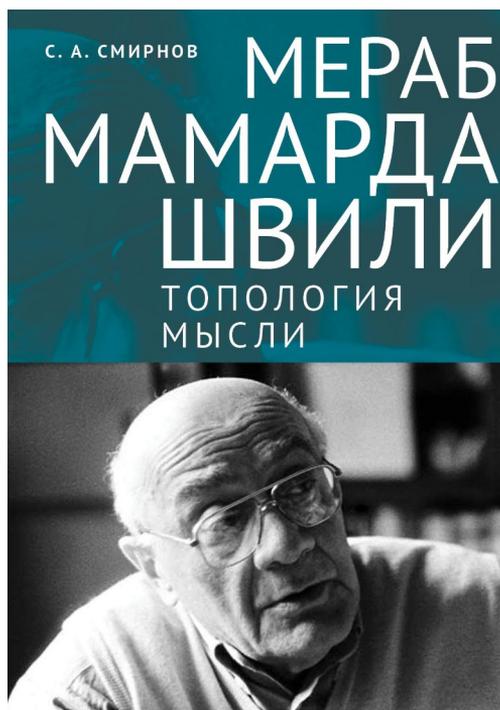
Подорога настаивает на двух линиях чтения у Мамардашвили: *топологической* и *эпиграфической*. Основной моделью пути для «Поисков» Марселя Пруста Мамардашвили выбирает сцену «переворачивания» из XXXIV песни «Божественной комедии» Данте. Но В.А. Подорога сомневается: «Может ли прустовский мир быть прочитан с помощью топологического принципа “переворачивания”, который использует М.М., опираясь на “Божественную комедию” Данте (точнее, на ту топологию, которую он из неё извлекает), остаётся вопросом» [16, с. 262].

Что касается искусства *эпиграфики*, к которому прибегает Мамардашвили, то, хотя технику извлечения отдельной «фразы» он заимствует у самого французского писателя, но в отличие от Пруста, у которого каждая выделенная фраза — это взрывной, мгновенный переход прошлого впечатления в реальное физическое событие, Мамардашвили устраняет контекст и замещает его своим толкованием. «Он рассекает прустовскую цитату на отдельные составляющие, на обрывки фразового единства, выходя, с одной стороны, её переводчиком, а с другой — комментатором, причём заметно, что эти две позиции им не разделяются» [16, с. 276].

Таким образом, Подорога приходит к мысли, что Мамардашвили «деавтобиографировал Пруста», лишив его собственной истории жизни и превратив его литературу (искусство письма) в апологию «последних истин». От него далёк Пруст как «человек письма» с его навязчивыми фантазмами запахов и идеологией пассивизма. И здесь Подорога обозначает своё отношение к отказу от Письма в пользу Голоса/Речи. Для него «...ценность письма не в том, что оно “точно” сохраняет и “останавливает” жизнь знаков, а в том, что оно приводит в порядок сохранённое, лишая его двусмысленности, которой довольствуются в обычной беседе» [16, с. 298].

В.А. Подорога предпринимает талантливую попытку подняться над размышлениями М.К. Мамардашвили и, чуть приглушив его Голос, пропустить через собственное топологическое устройство мысли.

Смирнов С.А. Мераб Мамардашвили: топология мысли.
СПб.: Алетея, 2020. 392 с.

Иной ракурс философствования избирает Сергей Алевтинович Смирнов. Его книга «...представляет собой нечто вроде дневника записей-наблюдений с комментариями, бортового журнала, в котором автор пытался отследить извилистую линию авторской мысли философа — Мераба Константиновича Мамардашвили» [21, с. 4]. Продвигаясь от начала и до конца через весь курс лекций Мамардашвили «Психологическая топология пути» о романе М. Пруста «В поисках утраченного времени» [10], он делает акцент на автобиографическом письме-речи, в котором зафиксирован авторский голос, опыт испытания и преображений того, кто эти следы оставил. М.К. Мамардашвили, ведя публичную беседу с Прустом, «...выстраивает автобиографию и своего духовного пути, свою “топографию души”, идя наощупь и показывая сам опыт философского прототривания Пути» [21, с. 10].

С.А. Смирнов руководствуется философской автобиографией как методом антропологической навигации, понимаемым в категориях Пути. Путь сопряжён с потерей и обретением человеком самого себя, с поиском опоры и смыслов собственного существования. Это попытка услышать голос Мамардашвили в актах творения, голос философа, «пишущего» жизнь своей мысли. Основой для этого, кроме курса лекций «Психологи-

ческая топология пути», для С.А. Смирнова оказываются автобиографические заметки, дневниковые записи, переписка, опубликованные в разных сборниках. Кроме того, он проводит параллели между философским мышлением М. Мамардашвили и поэтическими высказываниями И. Бродского, О. Мандельштама, Б. Пастернака, Арс. Тарковского и др.

Автор, отказываясь от реконструкции как метода, феноменологического метода, вольного пересказа, останавливается на методе как про-слеживании (пре-следовании) за автором по его собственным следам, условно называя его «номадическим, поисково-навигационным».

Прустовский роман, как замечает М.К. Мамардашвили, — «...роман желаний и мотива, роман самостановления человеческого существа и “воспитания чувств”, как бы Пути (с большой буквы) хождений и прохождений, на котором мы приходим к себе и себя реализуем» [10, с. 833]. По сути это «феноменологическая топология пути. Оптика, но динамическая...» [10, с. 1046]. Однако это выводы Мамардашвили, сделанные им в конце пути, Смирнова же интересует сам путь, его размышления по пути.

Ключевым признаком, важнейшей единицей Пути становится событийность, поиск узлов-событий, проживая которые и рождается автор. Для М.К. Мамардашвили основным является преодоление разрыва между жизнью и искусством. Литература, согласно его позиции, не сочиняется, не придумывается, она открывается как истинная жизнь. Она есть выделка особого органа, органа понимания себя через череду внутренних актов, из которых плетётся событийная нить судьбы [19]. Мамардашвили задаётся целью ухватить акты душевного поиска, воссоздать состояния, уловить событийность. Для этого на каждой лекции он вводил слушателей в состояние присутствия. Роман Пруста, подчёркивает Смирнов, при этом становится прибором, инструментом, органом, которым каждый пытается познать себя.

Содержанием жизнеописания человека является место (где я?), рефлексивность я (кто я?) и событийность я (что со мной происходит?). В ответах на эти вопросы рождается автор биографии.

При этом роман как произведение: 1) выступает *методом*; 2) вытачивается как *инструмент*; 3) становится, формуется как *орган*, как часть особой органики по имени личность [21, с. 28]. Роман у Мамардашвили есть орган понимания, «духовный инструмент», которым мы можем воспользоваться, чтобы заглянуть в собственную душу и в свой собственный опыт. У Пруста часто повторяется тема телескопа: роман — оптический прибор, инструмент, «...позволяющий увидеть близко то большое, что удалено, но что может быть приближено ко мне, что кажется малым и мелким, но на самом деле и определяет меня» [21, с. 33]. Роман-телескоп приближает нас самих к себе. Он служит смысловой опорой, поскольку нет других ключей для открывания черноты человеческой души.

Основная мысль, которую повторяет М.К. Мамардашвили со ссылкой на Пруста: произведение искусства есть единственный способ восстано-

вить утраченное время. Это работа, которую человек может проделать только сам, раскрутить то, что произошло на самом деле. Но такая раскрутка может привести и к тому, что человек откроет только собственную ущербность и пустоту.

В событии жизни, подчёркивает Мамардашвили, важны не правила и нормы, а его переживание и извлечение из него опыта. Это делает нас живыми, переживающими, проживающими, осмысливающими. Каждое жизненное событие а-нормально, поскольку не вписывается в общепринятую норму.

Человек ищет своё место, пытается обрести свой голос, при этом опираясь на незнание. Знание о незнании своего места говорит о незнании главного — в чём событийность в моей точке. Многократно проговаривает М.К. Мамардашвили в этом контексте и мысль о личном усилии.

Роман Пруста — роман о взрослении, о человеческом возвышении. «Взросление есть выход из себя как центра мира, преодоление детоцентризма человека» [21, с. 32]. Возмужание означает преодоление привычки центрировать мир на самом себе, привычки защищать свою жизнь и себя как бастион и переход к другой стратегии — к выработке привычки открывания, допущения иных миров, чего человек изначально боится. Стратегию открывания М.К. Мамардашвили называет преодолением инфантилизма, которое позволяет поддаться влечению неизвестного, стать открытой пульсирующей точкой, одной из множества в мире.

Человек живёт как движущаяся точка в неизвестном хронотопе, всякий раз делает шаг за предел привычного, поэтому он «безмерен в мире мер». Человеку заранее не задана никакая мера, он обнаруживает себя в движении в безмерном [10, с. 110]. В качестве примера, поясняющего эту мысль, Мамардашвили приводит образ Одиссея.

У каждого своя география духовного хронотопа. Акты-шаги мы совершаем на ощупь. Топологию Пути нащупываем. Предыдущий шаг не гарантирует последующего. Путь устроен не по принципу накопления опыта и его преодоления. Я в каждом новом шаге, в опыте и рождается. Таким образом Путь перестаёт рассматриваться как связанное пошаговое движение, как линия жизни, скорее речь идёт о ломаной, теряющейся тропинке.

Мифология Пути, представленная в виде великого Мирового Древа, отмечает С.А. Смирнов, отличается от философии (антропологии) Пути. В мифологии Путь предначертан, испытания предуготовлены, Путнику суждено пойти по Пути, связав его пределы, начало и конец. А антропология Пути предполагает, что готового маршрута нет, а есть только состояние готовности и осуществление акта онтологического самоопределения неопределённое число раз, каждый из которых ничего не гарантирует и не даёт успокоения. В философии человека, антропологии нет концепта-конструкта Пути, поскольку Путь как личностная навигация не объектен, он сугубо рефлексивен. И по степени интенсивности рефлексии можно судить о степени готовности [21, с. 64–65].

Акт мышления, по М.К. Мамардашвили, вообще происходит так, как будто до меня ничего не было, в том числе и меня. Такое принятие личной ситуации выступает изначальным условием того, что философ называет «путём индивидуальной метафизики». У человека есть только путь свободы, что является его тяжким бременем, Крестом, который он несёт. Однако является опасной самонадеянностью считать, что в мире всё обустроивается и течёт без меня, без поступка.

М.К. Мамардашвили на протяжении более чем годового курса лекций выстраивает феноменологическую топологию, т.е. «онтологию того, как психологически может случиться человеческое событие» [10, с. 936]. Он размышляет, как может случиться человек, он сам как событие в жизни. Но чтобы свидетельствовать о событии, оно должно произойти. Сотканность жизни из событий человек пытается понять. Такую ткань актов М.К. Мамардашвили и плетёт. Из неё уже состоит его автобиография, т.е. речь автора о себе, собственной событийности мысли. Само же событие где-то и когда-то случается, т.е. имеет Место. Потому человек и уместен, что с ним происходит событие, имеющее место быть. При этом событие есть миг, летучий и исчезающий на песке. Существенное в жизни может произойти неожиданно и независимо от последовательности актов жизни.

В разговоре о миге, акте действия скрыт ключевой смысл самоопределения автора — его готовности. Готовность совершить важнейшее в своей жизни действие. Готовность даёт возможность становиться на предел. Мамардашвили говорит о некоем вечном стоянии или вечном акте. Совершая акт автопоэзиса, автор и существует, в этом поэтическом концентрате жизни он рождается как человек и как автор.

Акт происходит на пределе возможностей, поскольку не выводим из повседневной жизни, из данного и наследуемого. И это усилие длится. Такая странная длительность существования на пределах. «...Такое человеческое длящееся усилие и есть условие существования мира» [21, с. 76]. Есть вещи, которые случаются вечно в нашей душевной жизни, как агония Христа, если эти вещи — твои личные события. Об этом говорит и Пруст, когда определяет жизнь как усилие во времени.

Одной из главных тем Пруста Мамардашвили называет тему впечатления, т.е. отпечатка, печати, следа, образа, запечатлённого в памяти. Мамардашвили прибегает здесь к метафоре ткани жизни, состоящей из ниток, которая ложится складками в памяти, метафоре перебирания чётков, нитей как осмысления жизни и пробуждения.

Мысль, по М. Мамардашвили, означает момент улавливания присутствия, того, внутри чего ты находишься. Это снова тема утраченного и обретённого времени. Обрести время можно только тогда, когда ощущаешь момент присутствия. Это ключевая тема — связь времени и присутствия. В большинстве случаев мы, присутствуя, отсутствуем.

В памяти присутствия тайной выступает феномен впечатления, что впечаталось, вплелось в органику жизни. Наша память избирательна, а воспоминания смываются, как следы на песке. Мамардашвили продолжает тему

Пруста — тему впечатлений, тему памяти в форме следов-отпечатков, остающихся на теле личности, вечных впечатлений. Эти впечатления позволяют быть воспроизведёнными, всегда наполнены живым дыханием прошлого события. Истинная автобиография, полная, без вычёркиваний, состоит из таких событийных вечных впечатлений. «Она нанесена несмысливаемой татуировкой на твоё пульсирующее тело» [21, с. 89]. А воспроизведение впечатлений равносильно просыпанию. Это просыпание длится долго, как длится акт. Акт равносильно удержанию места. Для Пруста важно не само место, точка, а пунктир, трек между точками, шаг, что и есть собственно событийность.

Переживание впечатления у Пруста идёт от внутреннего к внешнему, некая экстерииоризация, вынимающая нас из самих себя. Такое выворачивание является условием реального преобразования. В промежутке между — я и осуществляет своё выворачивание, являясь миру. Важнейшие впечатления приходят сами, неожиданно, но их приходу предшествует невидимая духовная работа.

Мамардашвили задаётся вопросом: почему человек всегда проблема? И отвечает: потому что его собственное существо ничем не детерминировано, он не имеет содержания, он пуст. Это содержание приходится постоянно творить и воспроизводить. Оно не существует в абстрактных нормах и принципах. Человеку нужен опыт испытаний, чтобы стать наполненным. Здесь у М.К. Мамардашвили мы видим принцип не-алиби в бытии М.М. Бахтина, хотя и без ссылки на него [21, с. 99].

Как Пруст исследует общие законы душевной жизни, так и создание автобиографии по методу навигации, по С.А. Смирнову, требует отвлечения от деталей, чтобы увидеть общее устройство человеческой духовной жизни. Создание романа есть то самое формирование нового органа, т.е. личности.

Фактически, делает вывод Смирнов, Мамардашвили вслед за Прустом имеет в виду особую антропопрактику — практику автопоэзиса, практику формирования архитектоники личности посредством создания произведения [21, с. 102]. «Глубинные смыслы-этимоны мышления этих авторов пересекаются в главном — в идее творения себя посредством извода произведения. <...> Такой опыт и есть собственно создание автобиографии» [21, с. 103]. Роман, будучи личностной навигацией, становится мастерской-лабораторией по производству собственной формы существования, собственного смысла и понимания своего места в мире других смыслов и других опытов испытания.

Следующая тема, которую выделяет М.К. Мамардашвили, — тема выделения неких единиц пути, которые ритмизируют путь. На эту проблему он выходит через другую постоянную тему Пруста — тему реальности. Что есть действительно реальное, а не мнимое, кажущееся? Реальность есть связка между опытом и воспоминанием о нём, которое выстраивается постоянным усилием, поскольку требует непрерывной коррекции. Задача

писателя — это проблема выпрямления кривой с тем, чтобы вернуть исходную точку впечатления, из которой оно вышло. Наше существо сопротивляется проделыванию опыта выпрямления. Легче идти по кривой защит, самооправданий, отклонений. Но такое выпрямление и есть истинная автобиография [21, с. 176].

Роман Пруста — действие, направленное на уничтожение последней иллюзии о самих себе, придуманных образов-признаков. Это опыт освобождения от эгоистической любви. Философ, считает Смирнов, мыслит в утопосе, он по определению утопист, поскольку выступает ниспровергателем фантазий и иллюзий, пытающимся отстроить ещё не существующее место.

Лекции М.К. Мамардашвили о Прусте — исповедальная молитва, сложное духовное упражнение, встроенное в учебный формат, сугубо поисковая форма — вольный интонационный стих, который держится на своей интонации в живом присутствии. «В поисковом жанре его лекций-размышлений, выглядевшем как бы бесхребетным, держателем выступает то, что держит любого путника — его путеводная звезда, то есть горизонт поиска» [21, с. 156]. Философ прорывается к вертикали напрямую, своей чистой мыслью, ценой своего усилия. Он держится сугубо экзистенциальной силой мысли как поступка, т.е. силой личности.

С.А. Смирнов рассуждает о смысле личностной навигации как способа существования. Вне движения, вне поступка тебя и не будет. Надо идти, напрягая духовные мускулы, каковыми выступают формы, органы жизни. Отказ от навигации, поиска своего места — отказ от самого себя. Поэтому, приходит к выводу Сергей Алевтинович, антропология не может быть теоретической, спекулятивной, она поисковая, навигационная. Только в навигации можно начать понимать что-то про себя реального.

Фактически весь курс М.К. Мамардашвили — о формах, позволяющих совершать опыт в модусе говорения, рассказ об акте или модусе испытания акта. Человек изобретает формы жизни, произведения, с тем, чтобы реально испытать, пережить опыт, и через него стать реальным. Этот испытанный человеком мир опыта и есть та реальность, тот реальный мир, в котором он живёт. Мамардашвили говорит об экспериментальном характере жизни человека, человека как реального, живого, мыслящего существа. И роман, и стихи становятся духовными органами-приборами, помогающими мне этот жизненный эксперимент проводить. Эксперимент с тем, чтобы я явился.

С.А. Смирнов называет «Психологическую топологию пути» уникальным антропологическим экспериментом. М.К. Мамардашвили на протяжении лекций совершает в присутствии слушателей «...мыслительные медитации, связанные с его опытом чтения-встречи с другим автором, М. Прустом» [21, с. 339], тем самым выстраивая свою духовную биографию. И в конце пути, резюмирует С.А. Смирнов, Мамардашвили стал совсем другим, чем в начале.

С.А. Смирнову удалось, на наш взгляд, не утратив собственной линии размышления, бережно сохранить стиль философствования Мамардашвили. Спиралевидное движение мыслительных ходов, постоянное возвращение к ранее сказанному, вечное повторение, обволакивание, которое напоминает процесс образования жемчужины, когда песчинка слой за слоем покрывается перламутром. Создаётся ощущение, что, читая текст этой работы, ты постоянно слышишь уникальный голос автора «Психологической топологии пути» и, не отрываясь, следуешь за движениями его души.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
3. Гаспарян Д.Э. «Сознательная жизнь» в экзистенциализме М. Мамардашвили // Человек. 2020. Т. 31. № 2. С. 55–75.
4. Гаспарян Д.Э. Феноменальность сознания в аналитических теориях Л. Бейкер и Д. Чалмерса и феноменологическая теория сознания М. Мамардашвили // Наука. Искусство. Культура. 2020. № 2 (26). С. 43–60.
5. Гаспарян Д.Э. Феноменология Э. Гуссерля и М. Мамардашвили: два опыта прочтения // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 75–86.
6. Касавина Н.А. Человек — «долгое существо». Опыт метаэкзистенции // Вопросы философии. 2020. № 11. С. 47–57.
7. Комаров С.В. Топологическая метафизика сознания М.К. Мамардашвили // Новые идеи в философии. 2021. № 8 (29). С. 50–63.
8. Мамардашвили М.К. Возможный человек. М.: РИПОЛ-классик, 2019. 495 с.
9. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию / Сост. и общ. ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Прогресс-Культура, 1992. 416 с.
10. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2014. 1232 с.
11. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация: тексты и беседы. М.: Логос, 2004. 271 с.
12. Мамардашвили М.К. Философ может не быть пророком... // Человек. 2020. Т. 31. № 2. С. 27–40.
13. Мотрошилова Н.В. Мераб Мамардашвили: философские размышления и личный опыт. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2007. 320 с.
14. Павловская Н.Ю. Видение человека М. Мамардашвили в контексте вопроса о кризисе европейской культуры // Вестник Калмыцкого университета. 2021. № 1 (49). С. 136–142.
15. Пеннер Р.В., Резвушкин К.Е. Глубинная философия: опыт феноменологического исследования // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 53–58.
16. Подорога В.А. Топология страсти. Мераб Мамардашвили: современность философии. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 352 с.
17. Поляков А.В. Инфантилизм культуры и демонизация бытия (к прояснению проекта героического искусства М.К. Мамардашвили) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. № 3. С. 395–403.
18. Пруст М. В поисках утраченного времени. Полное издание: в 2 т. Т. 1: В сторону Свана. Под сенью девушек в цвету. Германт / Пер. с фр. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2018. 1247 с.

19. *Пруст М.* В поисках утраченного времени. Полное издание: в 2 т. Т. 2: Содом и Гоморра. Пленница. Беглянка. Обретенное время / Пер. с фр. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2009. 1238 с.
20. *Рягузова Л.Н.* «Производящее произведение» (Opera Operans): интерпретация топографии художественного мира в «Лекциях о Прусте» М. Мамардашвили // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2020. № 4. С. 89–94.
21. *Смирнов С.А.* Мераб Мамардашвили: топология мысли. СПб.: Алетея, 2020. 392 с.
22. *Таланина А.А.* Логико-композиционная организация лекции (на материале лекции из серии «Лекции о Прусте» М. Мамардашвили) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 72–81.
23. *Фуко М.* Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Кастиль, 1996. 448 с.
24. *Халиков М.М.* Философ как языковая личность (на примере книги М. Мамардашвили «Беседы о мышлении») // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2020. Т. 22. № 71. С. 79–86.
25. *Щедровицкий Г.П.* На Досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого. М.: Изд-во Школы культурной политики, 2004. 195 с.
26. *Щедровицкий Г.П.* Философия. Наука. Методология. М.: Изд-во Школы культурной политики, 1997. 641 с.

BOOKISH DISCOURS

Elvira SPIROVA

DSc in Philosophy,
Head of the Department of the History of Anthropological Doctrines.
RAS Institute of Philosophy.
Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation;
e-mail: elvira-spirova@mail.ru

MERAB MAMARDASHVILI: THE AUTHOR WITH HIS VOICE AND ACT

The article analyses the approaches of outstanding Russian philosophers — V.A. Podoroga and S.A. Smirnov — to the philosophical works of Merab Konstantinovich Mamardashvili. Their two monographic studies, published in 2020, offer a perfectly unique view through the original authorial lenses of the philosophical ideas of M.K. Mamardashvili. Making special mention of the topological configuration of Mamardashvili's thinking, his specific metaphoricalness, these authors, each in his own way, immerse the readers into the semantic space of his philosophy. V.A. Podoroga reveals the unique philosophical style of Mamardashvili built on free speech-thought in contrast to a written text, with its permanent desire to repeat what was said in order to receive a new impetus for the motion of thought, and with its invariable return to the starting point. S.A. Smirnov retraces Mamardashvili's authorial act of utterance as an autobiographic one, restoring the navigation of the philosopher's personality through his creation that appears as an organ-tool of understanding.

The monographs are a significant contribution to comprehension of the Russian philosophical tradition of the twentieth century.

Keywords: philosophy, M.K. Mamardashvili, topology, Written word, Voice/Speech, thinking, anthropology of the Way, creation, eventfulness, Presence

References

1. Bakhtin, M.M. *Ehstetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. 424 pp. (In Russian)
2. Foucault, M. *Volya k istine: Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality]. Moscow: Kastal' Publ., 1996. 448 pp. (In Russian)
3. Gasparyan, D.E. "Soznatel'naya zhizn'" v ehzistentsializme M. Mamardashvili" ["Conscious Life" in the Existentialism of M. Mamardashvili], *Chelovek*, 2020, T. 31, No. 2, pp. 55–75.

4. Gasparyan, D.E. “Fenomenal’nost’ soznaniya v analiticheskikh teoriyakh L. Beiker i D. Chalmersa i fenomenologicheskaya teoriya soznaniya M. Mamardashvili” [Phenomenality of Consciousness in Analytical Theories of L. Baker and D. Chalmers and M. Mamardashvili’s Phenomenological Theory of Consciousness], *Nauka. Iskusstvo. Kul’tura*, 2020, No. 2 (26), pp. 43–60. (In Russian)
5. Gasparyan, D.E. “Fenomenologiya E. Gusserlya i M. Mamardashvili: dva opyta prochteniya” [Phenomenology of Edmund Husserl and Merab Mamardashvili: Two Ways of Interpretation], *Voprosy filosofii*, 2021, No. 4, pp. 75–86. (In Russian)
6. Kasavina, N.A. “Chelovek — “dolgoe sushchestvo”. Opyt metaehkzistentsii” [Man is a “Lengthy Being”. Experience of Meta-existence], *Voprosy filosofii*, 2020, No. 11, pp. 47–57. (In Russian)
7. Khalikov, M.M. “Filosof kak yazykovaya lichnost’ (na primere knigi M. Mamardashvili «Besedy o myshlenii»)” [Philosopher as a Linguistic Persona (Case Study of M. Mamardashvili’s Book “Reasoning on Thought”)], *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial’nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*, 2020, T. 22, No. 71, pp. 79–86. (In Russian)
8. Komarov, S.V. “Topologicheskaya metafizika soznaniya M.K. Mamardashvili” [Topological Metaphysics of Consciousness by M.K. Mamardashvili], *Novye idei v filosofii*, 2021, No. 8 (29), pp. 50–63. (In Russian)
9. Mamardashvili, M.K. “Filosof mozhet ne byt’ prorokom...” [A Philosopher May Not be a Prophet...], *Chelovek*, 2020, T. 31, No. 2, pp. 27–40. (In Russian)
10. Mamardashvili, M.K. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How I Understand Philosophy], ed. Yu.P. Senokosova. Moscow: Progress-Kul’tura Publ., 1992. 416 pp. (In Russian)
11. Mamardashvili, M.K. *Psikhologicheskaya topologiya puti* [Psychological Topology of Path]. Moscow: Merab Mamardashvili Foundation Publ., 2014. 1232 pp. (In Russian)
12. Mamardashvili, M.K. *Soznanie i tsivilizatsiya: teksty i besedy* [Consciousness and Civilization: Texts and Conversations]. Moscow: Logos Publ., 2004. 271 pp. (In Russian)
13. Mamardashvili, M.K. *Vozmozhnyi chelovek* [Possible Person]. Moscow: RIPOL-klassik Publ., 2019. 495 pp. (In Russian)
14. Motroshilova, N.V. *Merab Mamardashvili: filosofskie razmyshleniya i lichnostnyi opyt* [Merab Mamardashvili: Philosophical Reflections and Personal Experience]. Moscow: Kanon+ Publ., 2007. 320 pp. (In Russian)
15. Pavlovskaya, N.Yu. “Videnie cheloveka M. Mamardashvili v kontekste voprosa o krizise evropeiskoi kul’tury” [Mamardashvili’s Vision of Human in the Context of the Crisis of European Culture], *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, 2021, No. 1 (49), pp. 136–142. (In Russian)
16. Penner, R.V. & Rezvushkin, K.E. “Glubinnaya filosofiya: opyt fenomenologicheskogo issledovaniya” [Deep Philosophy: An Experience of a Phenomenological Study], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, No. 455, pp. 53–58. (In Russian)
17. Podoroga, V.A. *Topologiya strasti. Merab Mamardashvili: sovremennost’ filosofii* [The Topology of Passion. Merab Mamardashvili: The Modernity of Philosophy]. Moscow: Kanon+ Publ., 2020. 352 pp. (In Russian)
18. Polyakov, A.V. “Infantilizm kul’tury i demonizatsiya bytiya (k proyasnениyu proekta geroicheskogo iskusstva M.K. Mamardashvili)” [Culture Infantilism and Demonization of Being (Concerning Clarification of M.K. Mamardashvili’s Heroic Art Project)], *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, 2020, No. 3, pp. 395–403. (In Russian)
19. Proust, M. *V poiskakh utrachennoogo vremeni. Polnoe izdanie* [In Search of Lost Time. Full Edition], Vol. 1, V storonu Svana. Pod sen’yu devushek v tsvetu. Germant [Swann’s Way.

In the Shadow of Young Girls in Flower. The Guermentes Way]. Moscow: AL'FA-KNIGA Publ., 2018. 1247 pp. (In Russian)

20. Proust, M. *V poiskakh utrachennogo vremeni. Polnoe izdanie* [In Search of Lost Time. Full Edition], Vol. 2, Sodom i Gomorra. Plennitsa. Beglyanka. Obretennoe vremya [Sodom and Gomorrah. The Prisoner. The Fugitive. Time Regained]. Moscow: AL'FA-KNIGA Publ., 2009. 1238 pp. (In Russian)

21. Ryaguzova, L.N. “Proizvodyashchee proizvedenie” (Opera Operans): interpretatsiya topografii khudozhestvennogo mira v «Lektsiyakh o Pruste» M. Mamardashvili” [“The Generative Work” (Opera Operans): Interpretation of the Topography of the Artistic World in M. Mamardashvili’s Lectures on Proust], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizaina. Seriya 2: Iskusstvovedenie. Filologicheskie nauki*, 2020, No. 4, pp. 89–94. (In Russian)

22. Shchedrovitsky, G.P. *Filosofiya. Nauka. Metodologiya* [Philosophy. Science. Methodology]. Moscow: School of Cultural Policy Publ., 1997. 641 pp. (In Russian)

23. Shchedrovitsky, G.P. *Na Doskakh. Publichnye lektsii po filosofii G.P. Shchedrovitskogo* [On the Boards. Public Lectures on the Philosophy of G.P. Shchedrovitsky]. Moscow: School of Cultural Policy Publ., 2004. 195 pp. (In Russian)

24. Smirnov, S.A. *Merab Mamardashvili: topologiya mysli* [Merab Mamardashvili: Topology of Thought]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2020. 392 pp. (In Russian)

25. Talanina, A.A. “Logiko-kompozitsionnaya organizatsiya lektsii (na materiale lektsii iz serii “Lektsii o Pruste” M. Mamardashvili)” [The Logical and Compositional Organization of the Lecture (Based on a Lecture from M. Mamardashvili’s Course “Lectures on Proust”)], *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2020, No. 6, pp. 72–81. (In Russian)

26. Wittgenstein, L. *Filosofskie raboty* [Philosophical Works], Vol. 1. Moscow: Gnozis Publ., 1994. 612 pp. (In Russian)